

ВЫХОД ИЗ «МЕРТВОЙ ЗОНЫ»

– *Считаете ли Вы, что оставшись в детском или подростковом возрасте без семьи, человек автоматически проходит точку возврата, после чего уже никогда не сможет стать полноценным членом общества?*

– Конечно, нет. Исходя из своего 45-летнего педагогического опыта, я действительно убежден, что семью никто и никогда не заменит, а у тех, кто потерял ее в детском или подростковом возрасте отсутствуют целые блоки социального развития. Но отсюда не следует, что такие блоки невозможно восстановить, искусственно создавая модели, близкие к семейным.

Собственно и обычный детский дом, и детский дом семейного типа, и семейная коммуна, и приемная семья – все это своего

рода эрзацы, более или менее напоминающие настоящие семьи и, с большим или меньшим успехом, способствующие социализации личности.

Наша семейная коммуна работает преимущественно с бывшими выпускниками детдомов в возрасте от 18 до 29 лет, которых я часто сравниваю с аквариумными рыбками. До поры до времени за ними ухаживали, кормили, а потом выпустили в большой водоем, даже не объяснив, как корм добывается.

Я помню, как мои первые двенадцать детдомовских воспитанников, впервые оказавшись за домашним столом, удивились, что чай в чайнике бывает несладкий: в детдоме он, один на группу, был уже всегда с сахаром. Даже в самых лучших детдомах выросшие на готовом, приученные говорить и делать только то, что

Статистика, как известно, знает все.

И в этом знании часто бывает много печали. Из выпускников детдомов примерно каждому десятому на роду написано покончить жизнь самоубийством, каждому пятому стать преступником, каждому четвертому – бомжом.

А сколько еще детей относится к «социально неблагополучным», являясь фактическими беспризорниками при живых родителях?

И вряд ли их судьбы сложатся благополучно.

Руководитель детской коммуны семейного типа «Надежда» Евгений Клиот считает, что сегодня сотни тысяч если не миллионы детей и подростков находятся в своеобразной «мертвой зоне», ситуация в которой практически не попадает в поле зрения общественности и органов власти.

И главными обитателями этой «мертвой зоны» являются те, кто после выхода из детских домов или интернатов оказался не способен строить свою жизнь самостоятельно.

велят, не знающие, что такое человеческое тепло и внимание (а его по-настоящему всем оказать не могут, не имеют на то возможности даже самые добрые воспитатели), во взрослую жизнь такие ребята приходят беспомощными, растерянными и агрессивными.

Поэтому, если переходить на юридический язык, то цели нашей семейной коммуны мы сформулировали следующим образом: создание необходимых условий для комплексной социальной и психофизической реабилитации социально-депривированных подростков и молодежи на основе диагностики, коррекции и преодоления социальных проблем, препятствующих полноценному включению в трудовую деятельность, интеграции в социум и обеспечению их социальной защиты в период социально-экономических преобразований и реформ.

— Книга о Вашей семейной коммуне называется «По чем путевка в жизнь...». Вопрос «по чем?» опустим. Скажите, сколько человек на сегодняшний день этой «путевкой» воспользовались?

— С 1993 года через «Надежду» прошли свыше 800 человек. И хотя не у всех из них судьбы сложились благополучно, кое-что мы

все-таки сделали. Я говорю - мы, потому что наша коммуна вряд ли состоялась бы без помощи конкретных людей, предприятий, организаций, которые оказывали нам как разовую, так и систематическую помощь. Среди последних особо хотел бы выделить американский Фонд помощи русским сиротам AROAF. А из тех, для кого «Надежда» — практически смысл жизни, хочу назвать свою спутницу и ангела-хранителя Людмилу Васильевну Бережную.

— Что представляет собой «Надежда» сегодня?

— В Санкт-Петербурге у нас есть помещение в доме на Двинской, 10, где находятся стационар и центр досуга. В Карелии в поселке Терву мы имеем собственное крестьянское хозяйство, на базе которого пытаемся создать нечто вроде социально-реабилитационного центра и летнего интеграционного лагеря.

— А с чего все начиналось? Как Вы вообще стали педагогом?

— Моя мама тоже была педагогом, вела художественный кружок в Доме пионеров. Решив пойти по ее стопам, я закончил художественно-графический факультет Педагогического института им. Герцена, работал в Доме

пионеров, в школах, интернатах, пионерских лагерях.

Потом был заместителем директора по воспитательной работе в Петродворцовом специнтернате № 55 для «детей с проблемами развития». Именно тогда и родилась идея создать школу сельскохозяйственного производства с последующим трудоустройством выпускников в совхоз «Победа». Было это в конце 1980-х — начале 1990-х годов и по вполне понятным причинам экономического характера проект тогда так и остался не реализованным.

В период рыночных реформ мне пришлось сменить место работы и, чтобы помочь хоть кому-то из своих воспитанников, я оформил над одним из них опеку. Но вся его жизнь оказалась там, в детском доме, где он вырос, где были его друзья. И постепенно, все они — 15 человек — перебрались ко мне. Так у нас образовалось собственное сообщество, с которого и началась семейная коммуна «Надежда».

— Чем, с точки зрения педагогики, семейная коммуна «Надежда» отличается от других учреждений, занимающихся неблагополучными подростками?

— У нас в коммуне отношения субъект-субъектные, а не субъект-объектные, как в большинстве других воспитательных учреждений. Это на научно-педагогическом языке значит, что ребенок воспринимается не как объект воспитания или перевоспитания, а как человек, с которым нужно выстраивать, прежде всего, человеческие отношения.

У нас педагогика сотрудничества и взаимодействия. Насильно у себя никого не держим, и многие уходят, потом возвращаются и мы их, как правило, принимаем обратно. Но при этом оставляем за собой право отлучать от «Надежды» тех, кто лукавит и пытается использовать нас как временное прибежище, или как источник, где можно чем-нибудь пожить.

Главный метод воспитания — труд.

Никого из тех, кто готов принять правила нашего семейного жития, мы не оставим, всегда вырчим из любой беды. Хотя за 17 лет, естественно, бывало всякое. Как и в любой семье.

— Поскольку контингент у Вас достаточно сложный, без жесткой дисциплины на одной сознательности, наверно, не продержитесь?

— Известно, что уличные дети, как правило, плохо приживаются в разного рода приютах и социальных центрах, именно в силу неприятия типичного для подобных заведений казарменного внутрениннего распорядка.

Но с другой стороны, такой авторитет, как Макаренко, признавал необходимость существования воспитательных учреждений достаточно закрытого типа. Мне лично очень симпатичен опыт, с которым я познакомился в Дании, куда ездил в рамках программы разработанной общественной организацией «Гражданский контроль» совместно с Советом министров Северных стран.

Там многие осужденные за незначительные преступления живут в условиях, приближенных к условиям четырехзвездочного отеля. Они чувствуют себя достаточно свободно, ходят на работу, распоряжаются собственным досугом, а взамен только должны соблюдать не слишком жесткие правила внутреннего распорядка и периодически проходить тесты на потребление спиртного и наркотиков.

Если никаких нарушений они не допускают, то получают, скажем так, дополнительную порцию свободы. Конечно, в условиях не-свободы настоящую личность не сформируешь, но ограничение свободы, зачастую, бывает необходимым этапом этого процесса.

Мы в «Надежде» работаем со взрослыми людьми и к тому же не являющимися преступниками, так что любые ограничения у нас основываются исключительно на принципе добровольности.

— В одной из статей о «Надежде» писали, что создав подобную семейную коммуналку, никакого «велосипеда», в сущности, Вы не изобрели.

— Я на это и не претендовал. Даже если не говорить о Макаренко и углубиться в XVIII век, то мы увидим такие примеры, как Песталоцци и его детская деревня Ньюхофф в Швейцарии, Басседоу и его частный детский приют в Дассау, «воспитательные дома» Ивана Бецкого в России. Все это действительно классика педагогической мысли. Однако наш проект имеет значение не только с педагогической точки зрения.

В той же Дании я с удивлением узнал, что почти полтора века назад, после завершения войны с Пруссией поэт, священник и педагог Северин Грюнтдвиг объединил оставшихся без родителей детей в пять сельскохозяйственных коммун. А сегодня структуры,

возникшие на базе этих коммун, практически полностью обеспечивают страну продовольствием.

– В поселке Терву Вы пытаетесь создать нечто подобное?

– Мы поселились в старом финском доме, отремонтировали его, обзавелись живностью (пять коров, десять свиней). Сейчас пытаемся совместить фермерское хозяйство с природоохранной деятельностью. Наш замысел предусматривает, что вокруг соседнего с нашей фермой залива Ладожского озера и другого ближайшего озера – Ихоярви – полосой 200 метров появится туристическая зона.

В 150 метрах от берега планируется создать центр экологического просвещения для работы с местными ребятами и населением.

Туристам мы могли бы предоставлять все необходимые услуги: полевые гостиницы – палатки, комнаты в прибрежных коттеджах, дрова для костров, свежие овощи с наших полей, фермерское мясо, молоко, готовые блюда на заказ – если потребуется, рыбацкие снасти, лодки, проводников по самым красивым местам Приладожья и Ладоги, которых здесь предостаточно. Кстати, когда эти территории принадлежали Финляндии, здесь располагались лучшие южные курорты страны – почему бы им не вернуть с нашей помощью былую славу? Если все состоится, как задумали, состав нашей коммуны значительно пополнится. Продукция с наших полей и ферм найдет гарантированный сбыт. А это значит не просто увеличение доходов, но и возможность раз-

виваться, привлекать высококвалифицированных педагогов, психологов, социальных работников, предоставлять ребятам все новые рабочие места.

Бесспорно, совмещение сельского хозяйства с туризмом выглядит гораздо перспективнее, чем просто сельскохозяйственная коммуна. Но есть ведь еще и социальный аспект проблемы...

Представьте, что если подобный опыт удался бы и нашел продолжение! Тогда это действительно было бы примером и лучом «Надежды» для десятков тысяч подростков и молодых людей не только Карелии, Ленинградской области, Санкт-Петербурга, но и по всей России! Ведь сколько кругом погибающих деревень и таких же «проблемных» как у нас подростков! Так почему же не попытаться сразу решить две сложнейшие и болезненные проблемы?

– Действительно, почему бы не попробовать? Что-то мешает?

– Дело, как всегда упирается в типичные для нашей страны преграды. Сегодня берега вокруг Терву практически полностью застроены и заселены москвичами и петербуржцами, а местные жители могут пройти к воде, чтобы позагорать или порыбачить, только через их территорию. И никто, в сущности, не может дать нам гарантии, что мы вообще не лишимся всего нашего хозяйства просто из-за того, что участок приглянется какому-нибудь толстосуму.

Приходится ходить по кабинетам, убеждать, доказывать, искать, наконец, деньги. Вот сейчас в Санкт-Петербурге в доме на

Двинской с помощью благотворителей мы смогли установить новую систему противопожарной безопасности – без нее нас просто закрыли бы. Но еще надо сделать новую пожарную лестницу – а это порядка 150 тысяч рублей. Весьма серьезные деньги для такого учреждения, как наше.

И с такими проблемами мы сталкиваемся постоянно. Но это все – проблемы текущие. Нам по большому счету нужно другое. Мы

хотим, чтобы и общество и власть поняли, что «Надежда» работает не с какими-то антисоциальными элементами. Мы решаем проблемы самого общества, помогая конкретному ЧЕЛОВЕКУ, ГРАЖДАНИНУ! И мы ему поможем, как помогли все эти годы!

Беседовал Д. МИТЮРИН
Фото предоставлены
детской коммуной
семейного типа «Надежда»

